

УДК 81'04

DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-24-30

ЯЗЫК ИНГЛИС И ЗАРОЖДЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ РАВНИННОЙ ШОТЛАНДИИ

© Надежда Гукалова

THE INGLIS LANGUAGE AND THE EMERGENCE OF THE LOWLAND SCOTLAND LITERARY TRADITION

Nadezhda Gukalova

The paper studies the social history of the idiom spoken by the indigenous population of Lowland Scotland and the Borders of the late 12th – third quarter of the 14th centuries, as well as the first written poetic monuments of Early Middle Scots (Inglis). The aim of this study is to consider the factors that contributed to the spread of the Inglis language, giving a description of its ethnic and social base, the areas of use and the study of the first important poetic monuments written in this language, preceding the epic poem “Bruce” (1375) by J. Barbour, associated by most scholars with the emergence of the literary tradition of the Lowland Scotland regional language. The article gives a brief overview of the literary heritage of Thomas the Rhymer, the poetic work “Song on the Death of Alexander III”, as well as other written monuments of the Scottish pre-literary period. We describe the history of the creation of the “Auchinleck Manuscript”, which includes texts written in various dialects of Middle English, and points out the special scientific value of the Manuscript. As a result of the research, we have come to the conclusion that the isolation of the Scots language and the emergence of its own literary tradition was caused by both external factors, related to the independence of the Scottish state, and internal ones, related to the growth of the Inglis idiom prestige on the territory of Lowland Scotland during the period in question of the Scots language history.

Keywords: Inglis, Early Middle Scots, Thomas the Rhymer, The Auchinleck Manuscript

Статья посвящена исследованию социальной истории идиома населения равнинной Шотландии и англо-шотландского приграничья конца XII – третьей четверти XIV века, а также первых письменных стихотворных памятников раннего среднешотландского языка (инглис). Целью данного исследования является рассмотрение факторов, способствовавших распространению языка инглис, описание его этнической и социальной базы, сфер использования, а также изучение первых важнейших поэтических памятников, написанных на данном языке, предшествующих эпической поэме «Брюс» (1375) Дж. Барбура, связываемой большинством ученых с появлением литературной традиции регионального языка равнинной Шотландии. В работе дается краткий обзор поэтического творчества Томаса Рифмача, стихотворного произведения «Song on the Death of Alexander III», а также иных письменных памятников долитературного периода шотландского языка. Автор описывает историю создания «Рукописи Окинлека», включающей тексты, написанные на различных диалектах среднеанглийского языка, и указывает на особую научную ценность манускрипта. В результате исследования автор приходит к выводу, что обособление шотландского языка и зарождение собственной литературной традиции было сопряжено как с внешними факторами, связанными с обретением независимости шотландским государством, так и внутренними, касающимися роста престижа идиома инглис на территории равнинной Шотландии в рассматриваемый период истории шотландского языка.

Ключевые слова: инглис, ранний среднешотландский язык, Томас Рифмач, Рукопись Окинлека

Для цитирования: Гукалова Н. Язык инглис и зарождение литературной традиции равнинной Шотландии // Филология и культура. Philology and Culture. 2023. № 4 (74). С. 24–30. DOI: 10.26907/2782-4756-2023-74-4-24-30

К XII веку языком шотландского королевского двора и династии становится ранний среднешотландский язык, который в науке получил на-

звание инглис («Inglis»). К концу XIV века начинает расширяться спектр социальных функций среднешотландского языка, а также его функ-

циональные разновидности. Инглис начинает проникать в те функциональные области, которые ранее занимали исключительно латынь и/или англо-нормандский, в первую очередь – в литературное творчество (в форме поэзии), а также в канцелярскую практику и ведение хроник. В частности, законодательные акты парламента Шотландии начинают писать с 1390 года на инглис, а все ранее принятые законы в 1425 году были переведены с латинского на родной язык [1, с. 8].

Вместе с этим лингвоним «Scottis» оставался прочно закрепленным в общественном сознании за гэльским языком. Само слово «Scot» имело отношение к названию ирландского этноса и ассоциировалось в целом с людьми, говорящими на гэльском языке [2, с. 186]. Также необходимо отметить, что гэльский язык, ранее занимавший престижное место в политической и духовной сферах, в светской жизни и при дворе, начинает вытесняться языком инглис. По утверждению авторов, «в то время как южные и восточные районы <Хайленда. – Н. Г.> переживали упадок, особенно на официальном уровне, начиная с XIII века Западные и Южные острова переживали своего рода гэльский ренессанс», также выразившийся в создании богатого литературного наследия [3, с. 153].

Дж. Д. Маклюра полагает, что на данном историческом этапе название «Inglis» использовалось в первую очередь носителями языка для отделения родного идиома населения как равниной Шотландии, так и Англии от языка гэлов. Более того, язык литературы равнинной Шотландии даже к концу XV века фактически не отличался от идиома, на котором говорили жители севера Англии [4, с. 44]. Также Дж. Д. Маклюр обращает внимание на существование еще одного смежного лингвонима – «Sudron», или «Suddroun», ссылаясь на факт упоминания Г. Дугласом (ок. 1474–1522) в прологе перевода «Энеиды» данного названия, которое поэт употребляет по отношению к языку англичан [Там же]. Г. Дуглас намеренно отделяет «Sudron» от идиома, на котором написан его текст, тем самым пытаясь создать идею о шотландском национальном языке. Кроме того, названия «Southerons» и «Southeron men», «Southeron folk» используются Слепцом Гари (ок. 1460–1492) в поэме «Уоллес» для наименования врага с юга, которому главный герой яростно сопротивляется, то есть названия англичан. В то же время слово «Scottis», как было установлено нами, употребляется 15 раз в произведении с эпитетом *trew* ‘настоящий’, ‘добрый’ и 24 раза с эпитетом *worthi* ‘достойный’, ‘храбрый’, ‘почтенный’. Та-

ким образом, следует отметить, что «Southerons» и лингвоним «Sudron», неся, очевидно, негативную коннотацию, вероятно, употреблялся шотландцами с целью отчуждения и антагонизации двух народов, королевств и их языков на разных этапах исторического развития, а наименование «Inglis» служило для подчеркивания некоего родства и единства в зависимости от внешне- и внутривполитических обстоятельств. В целом политика шотландского двора отличалась сменой периодов, которым была характерна англофобия, что находило свое выражение, в частности, в патриотической литературе, периодами относительно сдержанных отношений и почитания английских авторов шотландскими поэтами и даже подражания им. Более того, особый интерес в данной связи представляет идеологическое содержание шотландских исторических сочинений и хроник, абсолютное большинство которых имели националистический характер, а их авторы тяготели к исключительно англофобным взглядам.

Несмотря на все вышесказанное, поэты раннего периода шотландской литературы не относились к языку английских современников как к чужому. Так, поэма короля Якова I Стюарта (1394–1437) «The Kingis Quair», написанная на языке инглис, представляет собой смешение шотландской литературной традиции со стилем чосеровской поэзии. А язык текста поэмы описывается учеными как смесь английского и шотландского языка. Кроме того, У. Данбар (ок. 1460 – ок. 1520), неоднократно задававшийся вопросом шотландской идентичности и родного языка в своем творчестве и являясь поэтом хронологически более позднего периода, упоминая о Дж. Чосере, употребляет местоимение «наш» – «*oure Inglisch*» [4, с. 6]. Ученые также утверждают, что У. Данбар не только рассматривал языки двух народов как «братские», называя язык, на котором писали английские и шотландские поэты, «*oure tong*», но и воспринимал литературную традицию двух королевств как общую, хотя и выделяя некоторые отличительные особенности каждой: в частности, восхищался изысканностью языка английских авторов и сожалел о недостаточной выразительности и богатстве родного языка. Поэт также отмечал близость собственной поэзии не только с произведениями Дж. Чосера, но также подчеркивал связь с другими английскими поэтами, например, с Дж. Гауэром и Дж. Лидгейтом, тем самым пытаясь аргументировать существование некоего общего канона. Также ученые отмечают и факт замалчивания поэтом У. Данбаром (ок. 1460 – ок. 1530) высокого уровня влияния на шотландскую литературу

классических произведений, поэзии французских и итальянских авторов, роль которых даже тогда была очевидна. Вместе с этим поэты золотого века шотландской литературы были склонны считать поэтическое наследие Дж. Чосера наивысшим образцом и рассматривали его как часть собственной литературной традиции, в то время как английская культура и все, что с ней связывалось, осуждалась и поносилась в обществе и в общественной мысли той эпохи. Нередко мы можем заметить такую двойственность порой и в их собственных произведениях, и в работах их предшественников. Кроме искреннего почитания таланта и мастерства английских поэтов, данную противоречивость, сложившуюся в идейном содержании произведений шотландских поэтов золотого века, можно объяснить стремлением поэтов угодить королевскому двору после женитьбы Якова IV на английской принцессе Маргарите Тюдор в 1503 году, а также стремлением к поддержанию национального мифа, сформированного в предыдущие столетия борьбой за независимость Шотландии.

Часто датой, с которой условно связывается закрепление за языком населения шотландской равнины такого названия, считают 1513 год, когда Г. Дугласом был написан перевод «Энеиды», в прологе к которому автор размышлял о родном языке, что нами уже было отмечено выше. О смене лингвонима также свидетельствует название одного из наиболее значимых произведений Р. Генрисона (ок. 1430–1506): «Нравоучительные притчи Эзопа-фригийца, составленные на выразительном и изысканном скотсе». Так, лишь впоследствии, к концу XV – началу XVI века, шотландцы, населяющие равнину, начали называть собственный язык лингвонимом «Scottis» вместо «Inglis», что, очевидно, может свидетельствовать о начале формирования собственной национальной и языковой идентичности. Дж. Робертсон описывает язык инглис, на котором были написаны ранние произведения, как «англо-саксонско-пиктскую смесь»; вместе с тем, как утверждает автор, в данный период сложилась ситуация, при которой весь королевский двор знал французский язык, но на нем не говорили ни рыцари, ни знать, в то время как инглис являлся универсальным и понятным идиомом и для «верхов», и для «низов» шотландского общества до XIV века, то есть до тех пор, пока поэты не стали активно заниматься переводом французских художественных произведений, пользующихся популярностью среди придворных [6, с. 34]. Рост влияния и распространение идиома инглис, по мнению ученых, были связаны в первую очередь с его использованием в торговле

как основного средства коммуникации, а также в сфере местного самоуправления активно растущих и развивающихся шотландских бургов. А усвоение языка инглис высшей феодальной знатью Шотландии (для некоторых из них этот идиом не был родным) в период войн за независимость свидетельствовало о формировании национальной идентичности и консолидации общества. Этот процесс способствовал увеличению социального престижа языка [3, с. 159].

Шотландское государство и народ начинают отмежеваться от Англии, а английский язык начинает восприниматься населением шотландской равнины как чуждый, в особенности это касалось центральных и южных среднеанглийских диалектов, а культурное и экономическое влияние Англии значительно ослабевало. На фоне ухудшения политических отношений, приведшего к началу Второй войны за независимость с Английским королевством (1332–1357), разворачивавшейся одновременно с начальным этапом Столетней войны между Англией и Францией (1337–1453), Шотландия и Франция заключают союз, просуществовавший с 1295 по 1560 год и получивший наименование «Старого союза» – «Auld Alliance».

Т. Ф. Гендерсон отмечает огромную значимость данного союза для культуры и, в частности, для языка и литературы Шотландии. Фактически Французское королевство стало новым культурным центром для шотландской аристократии. Множество представителей интеллектуальной элиты обучались теперь в университетах Франции, оставались на службе французского короля, установились прочные связи между дворами, чему способствовали и династические браки. Шотландский двор начал перенимать французские манеры, утонченность, вежливость, обычаи времяпрепровождения и увеселений; росла интенсивность торговых отношений и иных контактов. Французская литература и французский язык стали популярны среди шотландской знати: французскому языку обучали и на нем говорили [5, с. 7–8].

Идейное содержание произведений рассматриваемой нами эпохи (XIII – вторая половина XIV века), как художественных, так и научно-публицистических, переживающих свой расцвет, в основном отражало общий характер внешней политики шотландского государства. В первую очередь это касалось проведения четкой идеологической линии по противопоставлению собственного народа англичанам, а также героизации шотландцев, их правителей и полководцев. Одним из самых ранних жанров литературы Шотландии и традиции стихосложения на раннем

среднешотландском языке были антианглийские инвективы, сатирические рифмовки и песни с использованием обценной лексики, насмешек и непристойного юмора, получившие распространение в ходе противостояния с Англией в период Первой войны за независимость (1296–1328), чаще всего существовавшие в устной форме [7, с. 20]. Традиции этого жанра затем найдут свое продолжение в письменной форме в так называемых «перебранках» («flytings») в конце XV века при шотландском дворе.

Схожие процессы происходили и по ту сторону границы. На севере Англии в период войн также развивалась традиция менестрелей, сочиняющих баллады. По замечанию Р. Ф. Грина, свидетельства существования традиционных средневековых баллад можно найти на всей территории Британских островов (и на самом деле по всей Европе). Вместе с тем, как категорично утверждает ученый, наиболее плодотворной для данной формы литературного творчества областью, где они получили широкое распространение, была территория англо-шотландского пограничья [8, с. 105]. Творчество менестрелей с территории границы легло в основу произведений первых шотландских и английских поэтов, в том числе Дж. Чосера и плеяды шотландских придворных поэтов, которые впоследствии черпали свое вдохновение в данной традиции. Кроме того, по утверждению Дж. Робертсона, шотландская традиция баллад приграничья и стихотворного творчества превосходила английскую в дочосеровский период [6, с. 35]. В целом стоит отметить, что традиция сложения баллад в регионе англо-шотландской границы просуществовала вплоть до конца XVI века, когда все еще появлялись талантливые менестрели с яркими произведениями.

Первые письменные стихотворные произведения также посвящались знаменательным событиям, связанным с жизнью двора, королевской династии и государства. Одним из немногих сохранившихся произведений данного периода является катрен, написанный анонимом по случаю женитьбы Давида II Брюса и Джоан Плантагенет, состоявшейся в 1328 году.

Вероятно, одним из первых поэтов, оставивших значительное наследие для литературы Шотландии, был легендарный Томас Рифмач (Thomas the Rhymer) (ок. 1220 – ок. 1298), вместе с тем оставшийся малоизвестным. Этот поэт также известен под именем Thomas of Erceldoune, где «Erceldoune» – местность на юге Шотландии, находящаяся на пограничной территории Англии и Шотландии, из которой он был родом и где располагалось его земельное владение.

На сегодняшний день о Томасе Рифмаче достоверно известно так мало, что даже его истинное имя остается предметом споров и исследований, поскольку очевидно, что слово «Rhymer» (или такие варианты его написания, как «Rymour» или «Rimour», которые также встречается у различных авторов тех лет) является прозвищем. Авторами-современниками поэта отмечается, что широкую известность в народе и в литературе Томас Рифмач обрел также из-за таланта предвидения.

Однако мы можем говорить о нем как о реальном лице, поскольку его имя упоминается многими авторами более поздней эпохи, в том числе Дж. Барбуром, Слепцом Гарри, по некоторым сведениям, заставшим его при жизни, философом Г. Бойсом и другими. Первое упоминание о нем, как о предсказателе, встречается у Иоанна Фордунского в хронике «Scotichronicon» как о человеке, предсказавшем смерть Александра III. Весьма примечательно то, что предсказание было сделано супруге короля Александра III, что свидетельствует о близости поэта ко двору и, возможно, говорит о доверительных отношениях королевской семьи и поэта [9, с. 13–19]. А исследователь Дж. Робертсон даже называет Томаса Рифмача «отцом шотландских поэтов» [6, с. 28]. Поэту приписывается авторство многих стихотворений и поэм, но наиболее бесспорным считается авторство поэмы «Sir Tristrem». Произведение является вариантом французского средневекового рыцарского романа, написанного до XIII века по мотивам легенды о Тристане и Изольде, популярной в тот период во всей Европе. Особенностью поэмы «Sir Tristrem» является применение ранее не использовавшейся во всей древнеанглийской литературе строфической формы стихосложения.

Долгое время «Sir Tristrem» считалась утерянной, пока не была найдена примерно в 1740 году в составе «Рукописи Окинлека» («The Auchinleck Manuscript»), изданной в Лондоне в первой половине XIV века. «Рукопись Окинлека» сама по себе представляет огромный интерес, являясь ценнейшим памятником средневековой литературы, состоящая из секулярных поэм, романов и хроник на различных диалектах среднеанглийского языка. По мнению А. Хиггинса, «Рукопись» имеет северное происхождение, о чем свидетельствует подавляющее большинство текстов, написанных на северном диалекте среднеанглийского от общего количества включенных в нее работ. И лишь впоследствии, как отмечает автор, книга была скопирована и скомпилирована в Лондоне [10, с. 108–109].

Кроме того, широкую известность поэма обрела, когда была переписана Вальтером Скоттом на основе «Рукописи Окинлека». Отмечается также то, что В. Скотт дал название произведению, под которым мы знаем его сейчас, используя именно вариант написания «Tristrem» вместо существовавших также древнескандинавской формы «Tristram» или старофранцузской – «Tristran» [11, с. 97]. Кроме того, поэма была дополнена введением с критическими замечаниями В. Скотта, глоссарием и издана в 1804 году. Однако, как отмечают современные ученые, данное издание выполнено с огромным количеством ошибок и несоответствий, а глоссарий является абсолютно устаревшим [Там же, с. 30]. Наиболее же ценным изданием, с точки зрения диалектологии и палеографии, является «шотландская версия» «Sir Tristrem», являющаяся списком из «Рукописи Окинлека», текст, включенный в которую, также стоит отметить, не являлся оригиналом. Что касается языка, на котором написан текст «Sir Tristrem», то филологи определяют его как идиом, характерный для населения севера Англии и юга Шотландии той эпохи.

Между тем К. Джонс утверждает, что самым ранним дошедшим до нас поэтическим текстом на раннем среднешотландском языке и, по мнению подавляющей части исследователей, открывающим шотландскую литературную традицию, стала «Song on the Death of Alexander III». Авторство и датировка произведения остается дискуссионным вопросом. Поэма в научной литературе часто приписывается хронисту Эндрю Уинтонскому (Andrew of Wyntoun), а также автором не менее часто указывают анонима [12, с. 21]. Так, шотландский поэт, писатель, публицист и крупнейший деятель национального возрождения Хью Макдиармид указывает в своей антологии шотландской поэзии «The Golden Treasury of Scottish Poetry» это произведение под авторством анонима с пометкой о том, что данная поэма цитируется в хронике Эндрю из Уинтона «The Original Chronicle», завершенной в 1420 году [12, с. 2].

Еще один вопрос, сопряженный с датировкой и заимствованием, связан с совпадением первой строки «Song on the Death of Alexander III» и 37-й строки поэмы Дж. Барбура «Брюс» (1375), что дает почву для размышления о том, чья работа была написана первой. Более того, в работах Эндрю Уинтонского мы можем найти множество отсылок к творчеству Дж. Барбура. К. Джонс считает наиболее вероятным, что авторы могли либо независимо друг от друга ссылаться на более ранние устные народные произведения, либо на сочинение анонима, датированное примерно пе-

риодом, совпадающим со временем смерти короля Александра III (1286 г.), что наиболее логично [13, с. 23]. Тем не менее такой факт делает очевидным невозможность причастности Эндрю Уинтонского к авторству «Song on the Death of Alexander III», вместе с этим мы не можем отрицать возможности художественной переработки Эндрю Уинтонским данного произведения для хроники, написанной спустя 120 лет после гибели Александра III.

Поскольку стихотворение достаточно краткое по своему объему, это представляет большую сложность в идентификации каких-либо языковых особенностей, служащих для точного атрибутирования применительно к конкретному этапу исторического развития шотландского языка. Однако учитывая все особенности стихотворения и условия его появления, языком, на котором был написан текст восьмистишия, ученые склонны называть англис. Также историки литературы отмечают высокий уровень поэтического мастерства автора и изящество произведения, что для ряда ученых также ставит под сомнение происхождение, авторство и правильность датировки произведения. Особо отмечают филологами такие свойства стихотворения, как его гармония, умелое использование автором метра, ритма, аллитерации и других художественных приемов [12]. Еще одной особенностью данного стихотворения является совмещение принципов стихосложения, характерных для французской поэзии и германской традиции, восходящей к «Беовульф».

Таким образом, при изучении поэтических и ряда иных текстов, написанных примерно до 1470-х годов на англис, весьма значительной остается проблема, касающаяся того, что ни один из таких текстов не дошел до нас в первоначальном виде. Поэтому вопрос, связанный с датировкой, авторством, точностью и достоверностью дошедших до нас списков тех или иных произведений, остается дискуссионным, а изучение языковой стороны текстов ранней шотландской литературы является в значительной степени затрудненным для исследователей. В целом зарождение литературной традиции равнинной Шотландии обусловливалось возросшим престижем языка англис, связанным с фактом активного использования данного идиома при дворе, в частности королевской династией, а также постепенной потерей социального престижа диалектов гэльского языка к югу и востоку от территории Нагорья (Хайленда).

Кроме того, англис, будучи удобным средством коммуникации в сфере торговли с англоязычным населением в силу генетической близости

сти языков, получает все большее распространение среди разных социальных и этнических групп населения, включенных в средневековое шотландское общество, для которых данный идиом не являлся родным. Другим фактором, способствовавшим культурному и языковому обособлению Шотландии и, как следствие, развитию собственной литературы, являлся долгий период конфронтации с Английским королевством в период войн за независимость с последующим обретением государственного суверенитета Шотландией к середине XIV века. Так, язык инглис, являясь родным идиомом для подавляющей части населения шотландской равнины и англо-шотландского приграничья, начинает все больше принимать характер национального языка молодого независимого Шотландского королевства. Рассмотренные нами устные и письменные поэтические произведения, сочиненные на языке инглис, заложили основу для формирования самобытной литературной традиции равнинной Шотландии и получили продолжение в творчестве шотландских поэтов Позднего Средневековья.

Список источников

1. The *Edinburg Companion to Scots* / Ed. by J. Corbett, J. D. McClure, J. Stuart-Smith. Edinburgh University Press, 2003. 304 p.
2. *MacQueen J.* From Rome to Ruddiman: The Scoto-Latin Tradition // The Edinburgh History of Scottish Literature: From Columba to the Union (until 1707), Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 344 p.
3. *Robinson C., Ó Maolalaigh R.* The Several Tongues of a Single Kingdom: The Languages of Scotland, 1314–1707 // The Edinburgh History of Scottish Literature: From Columba to the Union (until 1707). Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. P. 153–163.
4. *MacClure J. D.* Scottis, Inglis, Suddroun: Language Labels and Language Attitude // Scots and its Literature / Ed. by J.D. MacClure. Amsterdam-Philadelphia, 1995. P. 44–56.
5. *Henderson T. F.* Scottish Vernacular Literature: a Succinct History / Ed. by J. Grant. Third edition, revised. Edinburgh, 1910. 462 p.
6. *Robertson J.* Lives of Scottish Poets: With Ports and Vignettes. Vol. 1. London, 1822. 180 p.
7. *Galloway A.* The Borderlands of Satire: Linked, Opposed, and Exchanged Political Poetry During the Scottish and English Wars of the Early Fourteen Century // The Anglo-Scottish Border and the Shaping of Identity, 1300–1600 / Ed. by M.P. Bruce and H. Terell. Palgrave MacMillan, 2012. P. 15–31.
8. *Green R. F.* The Border Writes Back // The Anglo-Scottish Border and the Shaping of Identity, 1300–1600 / Ed. by M.P. Bruce and H. Terell. Palgrave MacMillan, 2012. P. 103–120.
9. *Thomas, the Rhymer.* The Romance and Prophecies of Thomas of Erceldoune: Printed from Five Manuscripts; with Illustrations from the Prophetic Literature of the 15th and 16th Centuries / Ed by Murray J. A. H. London: Early English Text Society, 1875. 63 p.
10. *Higgins A.* Sir Tristram, a Few Fragments, and the Northern Identity of the Auchinleck Manuscript // The Auchinleck Manuscript: New Perspectives / Ed by S. Fein. Boedell&Brewer: York Medieval Press, 2016. P. 108–123.
11. *Thomas (the Rhymer).* Sir Tristrem / Ed by G. P. McNeill. Edinburgh – London, 1886. 148 p.
12. *Jones C.* Inclinit to Diuersiteis: Wyntoun’s Song on the Death of Alexander III and the ‘Origins’ of Scots Vernacular Poetry // The Review of English Studies. Vol. 64, No. (263). 2012. P. 21–38.
13. The Golden Treasury of Scottish Poetry: Collected and edited by H. MacDiarmid. Macmillan & Company Limited, New York, 1941. 415 p.

References

1. *The Edinburg Companion to Scots* (2003). Ed. by J. Corbett, J. D. McClure, J. Stuart-Smith. 304 p. Edinburgh University Press. (In English)
2. *MacQueen, J.* (2006). *From Rome to Ruddiman: The Scoto-Latin Tradition.* The Edinburgh History of Scottish Literature: From Columba to the Union (until 1707), 344 p. Edinburgh, Edinburgh University Press. (In English)
3. *Robinson, C., Ó Maolalaigh, R.* (2006). *The Several Tongues of a Single Kingdom: The Languages of Scotland, 1314–1707.* The Edinburgh History of Scottish Literature: From Columba to the Union (until 1707). Pp. 153–163. Edinburgh, Edinburgh University Press, (In English)
4. *MacClure, J. D.* (1995). *Scottis, Inglis, Suddroun: Language Labels and Language Attitude.* Scots and Its Literature. Ed. by J. D. MacClure. Pp. 44–56. Amsterdam-Philadelphia. (In English)
5. *Henderson, T. F.* (1910). *Scottish Vernacular Literature: A Succinct History.* Ed. by J. Grant. Third edition, revised. 462 p. Edinburgh. (In English)
6. *Robertson, J.* (1822). *Lives of Scottish Poets: With Ports and Vignettes.* Vol. 1. 180 p. London. (In English)
7. *Galloway, A.* (2012). *The Borderlands of Satire: Linked, Opposed, and Exchanged Political Poetry During the Scottish and English Wars of the Early Fourteen Century.* The Anglo-Scottish Border and the Shaping of Identity, 1300–1600. Ed. by M. P. Bruce and H. Terell. Pp. 15–31. Palgrave MacMillan. (In English)
8. *Green, R. F.* (2012). *The Border Writes Back.* The Anglo-Scottish Border and the Shaping of Identity, 1300–1600. Ed. by M. P. Bruce and H. Terell. Pp. 103–120. Palgrave MacMillan. (In English)
9. *Thomas, the Rhymer.* (1875). *The Romance and Prophecies of Thomas of Erceldoune: Printed from Five Manuscripts; with Illustrations from the Prophetic Literature of the 15th and 16th Centuries.* Ed. by Murray J. A. H. 63. p. London, Early English Text Society. (In English)

10. Higgins, A. (2016). *Sir Tristram, a Few Fragments, and the Northern Identity of the Auchinleck Manuscript*. The Auchinleck Manuscript: New Perspectives. Ed. by S. Fein. Pp. 108–123. Boedell&Brewer: York Medieval Press. (In English)

11. Thomas (the Rhymer). (1886). *Sir Tristrem*. Ed. by G. P. McNeill. 148 p. Edinburgh – London. (In English)

12. Jones, C. (2012). *Inclinit to Diuersiteis: Wyntoun's Song on the Death of Alexander III and the 'Origins' of Scots Vernacular Poetry*. The Review of English Studies. Vol. 64, No. (263), pp. 21–38. (In English)

13. *The Golden Treasury of Scottish Poetry: Collected and edited by H. MacDiarmid* (1941). 415 p. Macmillan & Company Limited, New York. (In English)

The article was submitted on 03.12.2023

Поступила в редакцию 03.12.2023

Гукалова Надежда Владимировна,
Ассистент,
Южный федеральный университет,
347922, Россия, Таганрог,
Чехова, 2.
nadegda-ni@yandex.ru

Gukalova Nadezhda Vladimirovna,
Assistant Professor,
Southern Federal University,
2 Chekhov Str.,
Taganrog, 347922, Russian Federation.
nadegda-ni@yandex.ru